

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Стенограмма публичной лекции
академика **ВИППЕР Р. Ю.**, прочи-
танной 17 сентября 1943 года
в Колонном зале Дома Союзов
в Москве

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Стенограмма публичной лекции
академика **Виппер Р. Ю.**, про-
читанной 17 сентября 1943 года
в Колонном зале Дома Союзов
в Москве

А3801.

Подписано к печати 21/X 1943 г.

Заказ 2706.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Нас издавна учили тому, что историческая наука призвана служить объяснению современной действительности. Значит ли это, что историк может удалиться в свой кабинет, зарыться в книги и архивы и до окончания своей работы покинуть наблюдение над современностью? Не открывает ли ему современность новых путей к пониманию истории предшествующих эпох? Не поставит ли ему современность новых целей в изучении истории?

Бесспорно. Ведь величие и мощь русского народа, его военное могущество, его патриотическое одушевление во всей полноте **открылись нам** со времён Великой Октябрьской социалистической революции и защиты её приобретений в гражданской войне. И разве не **обнаружились** эти качества и достижения русского народа **перед всем миром** в дни Великой отечественной войны с фашистскими захватчиками! Разве эти явления современности не озарили своим ярким светом и близкие, и далёкие века нашего прошлого?!

Для науки, для художественного творчества это открытие означает переворот огромной важности. Это открытие указало нам — учёным, публицистам, ораторам, писателям — неотложную цель, которая состоит в том, чтобы найти к великим событиям современности, к проявлению военной мощи народа, сложившего многонациональное государство, их прообразы и подготовку; чтобы осветить в прошлом дела героической борьбы русского народа за свободу и справедливость; чтобы найти правильное истолкование многовековой истории Советского Союза.

Из этого же побуждения исходил я, занятый проблемами всемирной истории, когда обратился к изучению одной из великих эпох нашей страны — эпохи возникновения Московской державы и могущественного её расцвета в XVI веке.

Что нас приковывает к этой эпохе?

Для этого достаточно напомнить ряд событий, заполняющих середину XVI века: покорение Москвой Казани и Астрахани; покорение Поволжья и Приуралья; военную колонизацию (через казачество) юговостока Русской равнины, сразу же перекидывающуюся за «Камень» (Урал) — в Сибирь;

устремление русского народа к четырём морям — Каспийскому, Чёрному, Белому, Балтийскому, — окаймляющим Европейскую Россию; борьбу с Крымом — грозной стеной империей, опиравшейся на ещё более могущественную Турцию; наконец, крупнейшую Ливонскую войну, самую продолжительную и кровопролитную во всей русской истории, целью которой было «прорубить окно в Европу», — дать русскому народу участие в жизни европейских наций.

Небезынтересно отметить, что от взятия Казани, в 1552 году, до покорения Сибири (Кашлыка) — главного города Татарского ханства, — в 1582 году, прошло всего 30 лет!

Этот колоссальный рост Московского государства приходится на время правления Ивана IV, за которым в народе закрепилось прозвание Грозного. Но мне кажется, что значение этой личности, так же как и важность, скажу больше, величие, этой эпохи, недостаточно ещё уяснены.

Одной из причин, мешавших науке выработать широкий и правильный взгляд на события и участвовавших в них деятелей, было то, что большинство историков замкнулось в тесном кругу внутренне московских споров и столкновений XVI века. Как это ни странно, а у нас всё же не отвыкли смотреть на Ивана Грозного глазами Курбского, который, по крылатому слову поэта-монархиста, «бежал от царского гнева». Как бы не любопытны были критические замечания этого, весьма образованного по тогдашнему вельможи (высказанные им в его «Сочинениях»), не говоря уже о его узкой классовой заинтересованности, он ни в какой мере не был способен охватить в своей мысли всё мировое значение переживаемых событий.

Для того чтобы расширить наш кругозор и пополнить сведения об этом периоде русской истории, нам совершенно необходимо прислушаться к тому, как воспринимался иностранцами момент быстрого, неожиданного для Западной Европы возрастания московской державы, как смотрели на русских, на Москву, на восточного царя со стороны в эпоху первого выступления этой новой силы на арене всемирной истории.

Приведу вам прежде всего суждение о русском народе одного из современников и историков Ливонской войны — ревельского пастора Бальтазара Руссова, писавшего в 70—80-х годах XVI века. Необходимо заметить, что Руссов — вестфалец по происхождению — был ярким ненавистником Ивана IV и русских вообще. Тем не менее этот церковный писатель, как суровый моралист, невольно высказывает похвалу упорному патриотическому мужеству русских. Он сопоставляет враждебный, «варварский» с его точки зрения, русский народ со своими опустившимися в лень и разврат сородичами — немцами. Вот что он говорит о том, как русские умеют обороняться:

«Русские в крепостях являются сильными военными людь-

ми. Происходит это по следующим причинам. Во-первых, русские — работающий народ; русский, в случае надобности, неутомим, во всякой опасности и тяжёлой работе, днём и ночью. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдают крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться на своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они держатся в крепостях до последнего человека и скорее согласятся погибнуть до одного человека, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно всё равно, где ни жить, — была бы только возможность наедаться и напиваться. В-четвёртых, у русских считается не только позором, но и смертным грехом сдать крепость».

Как ни высока оценка, данная ревельским историком русскому народу, надо, однако, признать, что противник отметил только его пассивные добродетели — его обороноспособность. Тому, кто находит характеристику ливонского летописца односторонней, недостаточной, кто хотел бы отыскать в исторических документах оценку активных военных качеств, прямых военных достижений русского народа, тому следует обратиться к другому свидетелю — к современнику более ранних лет великой Ливонской войны.

Вот отзыв французского гуманиста-протестанта Юбёра Лангё. В августе 1558 года, после первых побед Ивана Грозного, он пишет в Женеву из столицы Саксонии — Виттенберга — знаменитому реформатору Жану Кальвину, осведомляя его о мировых событиях.

Это письмо показывает, какое впечатление произвело на западноевропейское общество выступление русских войск, предводимых совсем ещё молодым Иваном IV.

«Московский государь опустошил почти всю Ливонию, взял города Нарву и Дарбат (немецкое название — Дерпт, русское — Юрьев, эстонское — Тарту.— *Р. В.*). Говорят, что совсем недавно он занял Ревель, большой приморский город с очень удобной гаванью, к тому же и безопасной. (Последнее, правда, — характерное преувеличение русских побед: Ревеля ни тогда, ни потом русские не брали.— *Р. В.*). В Любеке снаряжается флот на средства саксонских городов для подания помощи ливонцам. Но это больше ничего, как приготовление лёгкой победы Мосху (т.-е. московскому царю.— *Р. В.*), который собирает от 80 до 100 тысяч конницы. (По тогдашним представлениям это громадная цифра. Ни одна из западноевропейских держав даже отдалённо не могла мечтать о мобилизации таких сил.— *Р. В.*). Король польский остаётся праздным зрителем этой трагедии, но Мосх выбьет из него эту

лень, если займёт Ливонию, потому что Литва, Пруссия и Самогития (то есть Жмудь.— *Р. В.*) граничат с ней. Да и непохоже, чтобы властитель московитский успокоился: ему 28 лет, он с малого возраста упражнялся в оружии и по натуре своей очень свиреп, причём его воинственность ещё усилилась благодаря ряду удачных войн с татарами, которых он, говорит, побил до 300 или 400 тысяч. Он постоянно возит с собой трёх пленных царей и между ними того, у которого он вырвал Казань. В недавнее время он жестоко напал на шведского короля, который только ценой денег смог купить себе мир. Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой».

Прошу вас закрепить в своей памяти слова последней фразы, которые звучат как пророчество.

Свидетельство Лангё тем более замечательно, что у этого писателя мы находим характеристику совсем ещё молодого, никому до тех пор неизвестного царя Ивана IV, который сумел осуществить свои завоевания, опираясь на высокие военные качества и военные традиции великого русского народа.

Это хороший урок тем близоруким историкам, которые считали Ивана IV незначительной личностью, всего только капризным тираном и безвольным свидетелем великих событий того времени. Этого царя Западная Европа признала уже тогда, в 1558 году!

1558 год был замечательной датой в европейской истории.

В этом году умер беспокойный, честолюбивый и неудачливый император Карл V и с ним вместе сошла в могилу угасшая идея средневековой Священной Римской империи, опиравшаяся фактически на две политические развалины — Германию и Италию. Это был год разгара общеевропейской войны, в которой наследник Карла V Филипп II, отбросивший средневековые бредни своего отца, выступил как представитель великой испанской державы, связанной с совсем другим районом сношений, с задачами и целями нового времени. Он в трудной борьбе с Францией и Турцией защищал свою торговую опору в Нидерландах, свои заатлантические колонии, свою метрополию на Средиземном море.

Лангё свой отзыв составил под свежим впечатлением поразительных успехов Москвы в начале Ливонской войны. Для общественного мнения Западной Европы это было первым тревожным сигналом о надвигающихся великих событиях на Востоке. Но сенсационные слухи с каждым годом нарастали всё больше и больше, рождая в торговых и политических кругах западноевропейских государств заботы и ожидания, надежды и страх перед неизвестной, как-то сразу появившейся на свет крупнейшей державой.

Особенно сильное беспокойство возникло в Германской

империи. Широко раскинувшаяся, лишённая всякого общего управления, она была уже задета завоеваниями московского оружия в Ливонии — ведь Ливония входила в состав разлагавшейся Священной Римской империи германской нации. Если московский царь овладеет Ревелем, он не замедлит водвориться в центре Балтийского моря, на островах Готланде и Бронхольме, тревожились ганзейские купцы, и будет для торговых связей Германии гораздо опаснее, чем турецкий султан. Многим представителям купечества казалось, напротив, выгодным завести прямые сношения с Москвой и приобрести в ней союзника против Турции. Тогда, говорили некоторые, «вся русская торговля как неиссякаемый источник» будет находиться в руках немцев.

По словам баварца Фейта Зента, одного из таких небескорыстных друзей Москвы, русские вообще необычайно способны и восприимчивы. Со времени занятия Нарвы они приобрели большую опытность в торговом деле. Необходимо предоставить им средства обучения науке и технике — прислать мастеров и учителей, может быть, даже пускать их за границу.

Но были у Москвы и яростные враги. И вот со стороны таковых рейхстагу в 1570 году было представлено рассуждение под таким заглавием: «О страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилегающих королевств и земель, как скоро Московит водворится в Ливонии и на Балтийском море».

Больше всего автор этого произведения напуган тем, что «многие европейские правительства доставляют москвитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело, искусных в сооружении гаваней, портов, бастионов, крепостей, а также оружейных мастеров, которые хорошо знают Балтийское море, его течение, гавани и т. д. В Московии же изобилие корабельного леса, много железа для якорей, материала для снастей и парусов, сала, дёгтя. Страна богата населением. Царь легко наберёт людей для экипажей кораблей. Русские крепки, сильны, отважны и, наверное, будут отличными мореходами».

Приведенные мной суждения принадлежат перу непосредственных наблюдателей событий, отличаются некоторой поспешностью и не чужды известной паники; отсюда у них крайности, преувеличения, промахи.

Посмотрим, какое мнение сложилось о Москве несколько позднее, на известном, так сказать, расстоянии времени, когда накопились новые впечатления и когда можно было придти к более прочным заключениям. Приведу вам суждения о поразительном подъёме Московской державы, которые высказывались выдающимся французским историком конца XVI и начала XVII века де Ту (по-латыни Thuanus). Де Ту можно на-

звать младшим современником Ивана Грозного. Вот его отзыв о московском царе:

«Государь столь же счастливый и храбрый, как его отец, который, соединяя храбрость и тонкий расчёт с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохранил обширное государство, оставленное Василием, но сумел далеко раздвинуть его границы. Завоевания Ивана IV дошли до Каспийского моря и царства Персидского. **Этот царь знаменит великими делами**, блеск которых иногда омрачала его жестокость».

Затем историк говорит об изумительной для него системе управления Московской державы, о необычайном послушании московского воинства и прибавляет: «Нет государя, которого бы более любили, которому служили бы более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются с народом мягко и человечно, не встречают более чистой привязанности, чем он».

Давайте переведём эти слова не только с французского и латинского языков на русский, но и с понятий XVI века на наши социально-политические понятия. Сравним два политических мира — Западную и Восточную Европу.

Западноевропейские государи — Валуа и Габсбурги, Франциски и Генрихи, Филиппы и Фердинанды — имели дело с рознью сословий, со своевольным дворянством, с узкими привилегиями городской буржуазии, с упрямым сепаратизмом провинций. Об эти препятствия, об эту разобщённость интересов внутри государства разбилась территориально раскинутая империя Карла V и Филиппа II. Их же современник Иван Грозный, унаследовав державную систему и военные традиции своих знаменитых предков Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III, обладая блестящими дарованиями дипломата, военного организатора и стратега, сумел ещё более расширить район действий, размах и значительность мировых сношений. При этом оказалось, что он опирался на народные массы, воспитанные вековыми напряжениями военных усилий, объединённые настойчивой, последовательной системой управления.

То, что де Ту на своём учтивом, придворном языке называет «привязанностью подданных к государю», непонятной ему вследствие личной жестокости царя, то было в Московском государстве приверженностью народа к родной земле, было традицией старинной военной дисциплины, выросшей из потребностей самообороны.

Западноевропейские правительства XVI века могли бы позавидовать организации сословий, порядку управления в Московском государстве, где все, обязанные военной службой, должны были всегда, но всякую минуту быть готовыми

к отправлению в далёкий путь, к исполнению любого поручения; где правительство стремилось связать владение землёй с обязательством неуклонной, непрерывной службы.

Не удивляйтесь, если я отвлеку ваше внимание одной мелочью московской военно-служебной практики, но детали иногда своей наглядностью помогают понять целое. Я хочу иллюстрировать основательность московской развёрстки солдатской службы, неуклонную требовательность центральной власти одной частностью, которая находилась в числе вопросов, предъявленных в 1551 году Стоглавому собору.

Царь предлагает устройство вдовых боярынь, то есть жён умерших помещиков. Здесь всё предусмотрено: как быть, если вдова убитого воина молода и может выйти замуж; как быть, если у неё подрастают сыновья, какой оклад им приходится получать, каковы обязанности второго мужа — вотчина детей от первого брака. Высшая власть заботится о том, чтобы земля не уходила от службы, но вместе с тем страхует жизнь служилого воина, обеспечивает пропитание его семье.

Об этом, удивительном для иностранцев устройстве обязанных службой землевладельцев с наивным восторгом повествует Ченслер — первый из англичан, который дал описание Московского государства. Вот что он говорит:

«Пусть подумают, как легко здесь найти поместье или землю и как много здесь людей, обязанных сражаться на всякой войне во владениях государя... **В этой стране нет собственников**, но каждый обязан идти по требованию государя — солдат или работник — со всеми необходимыми принадлежностями».

С точки зрения англичан поместья в Московском государстве не были собственностью владельцев, потому что они целиком зависели от выполнения владельцами обязанностей военной службы. Землевладение при Грозном было действительно сложным. Вот как Ченслер рассказывает об этом:

«Если помещик умрёт без мужских потомков, имение отбирается. Если донесут об увечности и неспособности помещика к несению военной службы и розыск установит правильность донесения, поместье отбирается у него за исключением малой доли, на прокормление увечного и его жены и он не смеет жаловаться на это... он должен сказать, что ничего не имеет, а что есть у него, то в руках бога и тосударя; но не может он сказать, как обыкновенно говорит англичанин, когда имеет что-либо — это во власти бога и моей...»

Говорят, что они люди содержатся в великом страхе и послушании, так что всякий отдаёт на волю и распоряжение государя имение, которое он накапливал и возделывал всю жизнь... Русские не могут сказать, как говорят ленивцы в Англии: «Я найду королеве (Ченслер составлял свои записки при королеве Елизавете.— Р. В.) человека служить вместо себя и

проживать с друзьями дома, если есть достаточно денег». Нет, это невозможно в здешней стране. Русские должны подавать униженные челобитные о принятии их на службу и чем чаще кто посылается на войну, тем в большей милости у государя он себя считает».

Ченслер выводит общее заключение, в котором сквозит прямо-таки благоговейный страх перед военной мощью Московской державы: «Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними. От их соседей сохранились бы только кой-какие остатки». Здесь Ченслер допускает преувеличение, но его суждения для нас чрезвычайно ценны.

Иностранец, посторонний наблюдатель увидел и отчётливо отметил результаты, внешний эффект военной системы, сложившейся на европейско-азиатском востоке. Но он не понял и не мог понять внутренних отдалённых исторических причин эволюции московских державных порядков. Тайна этой эволюции оставалась неразъяснённой в историографии России дореволюционного периода. Впервые в гениальной формуле, данной в 1938 году товарищем Сталиным, находим мы объяснения коренного факта русской истории — факта образования многонационального централизованного государства. «...Интересы обороны... требовали незамедлительного образования централизованных государств», — говорит товарищ Сталин. — «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» (С т а л и н).

Здесь всё сказано, всё раскрыто, всё ясно. Обороноспособность, воинское мужество, устремление к великодержавной цели, сосредоточенность военно-административной системы — вот те достижения, те качества, которые выработала в русском народе его история в течение 10 веков — от VI до XVI столетия.

Вот факт, внешние симптомы которого постоянно вызывали изумление иностранцев, посещавших Московское государство. Все они видели в Московской державе проявление жизни и деятельности могучей военной организации. Многие кажутся им каким-то чудом. Герберштейн, бывший в 20-х годах XVI века послом Германской империи в Москве, рассказывает о скорости сообщения и роскошестве перевозочных средств для государственных целей. Служитель его проехал 600 верст от Новгорода до Москвы в 72 часа, имея возможность ехать без перерыва благодаря частой смене лошадей. Когда он требовал 12 лошадей, ему ямщик приводил 30 и более. Это было нечто неслыханное во всём мире в смысле скорости официальной почты, передачи правительственных приказов и перевозок начальствующих лиц. Правители Москов-

ского государства знали цену этого административного орудия. Иван III в своём завещании требует сохранения ям (почтовых станций.— *Р. В.*) и подвод на всех дорогах, где они были заведены во время его правления.

Вот другая «диковинка», близкая к только что упомянутой. Ливонские послы, направлявшиеся в 1554 году в столицу Московии для переговоров, чтобы предупредить грозящее нападение, помирали со страха, глядя на картину лихорадочной подготовки к войне. На расстоянии каждых 4—5 миль они видели недавно выстроенные ямские дворы, с громадными помещениями для лошадей. Ещё более поразили их целые обозы саней, гружёных порохом и свинцом, тянувшиеся к западной границе. Ливонцы оказались свидетелями мобилизации таких размеров и такой быстроты, какие в тогдашней Западной Европе были совершенно немыслимы.

Все эти современники роста Московской державы отмечали поразительные проблески этого бурно совершавшегося процесса. Вспомним Лангё, изумлённого успехами русского оружия, Ченслера, ослеплённого дисциплиной неуклонной службы воителей. Однако они оставались слишком мелочными в своих толкованиях, сводили побуждения людей к чувству страха перед начальством, к религиозным привычкам и повадкам рабской зависимости. Они не могли понять устремления всего народа к великому национальному объединению. Они не могли понять военной одарённости народа как глубочайшего свойства его природы. Они не могли понять его патриотизма, как могучего внутреннего побуждения, выросшего из самообороны.

Данные, приведённые мной для характеристики военных подвигов русского народа, могущественного роста Московской державы и деятельности выдающейся личности московского правителя, взяты из моей книги «Иван Грозный», написанной более 20 лет назад.

Мне теперь представляется, что своей работой я вступил тогда на новый путь исторического истолкования эпохи Ивана Грозного. Мне хочется теперь и вас увлечь на этот путь.

Мне важно убедить вас в том, что образование Московской державы есть крупнейшее событие всемирной истории, которое развёртывалось параллельно с великим порывом западноевропейцев к расширению торговых и культурных сношений, к движению за океан, к завоеванию обеих Индий (Восточной и Западной).

Но есть и прямая связь между этими явлениями, и в этом смысле любопытен договор, заключённый в 1557 году между Москвой и Швецией. Он обуславливал право шведских торговцев беспрепятственно ездить через Москву в Индию и Китай, а московским купцам предоставлял проезд через Швецию

в Испанию, Францию, Англию, «в Любек и Антроп» (Любек — это Любек, Антроп — не что иное, как Антверпен) — новый, важнейший узел международной торговли, куда завозились за океанические товары, изделия фламандской, французской, английской промышленности и сырьё Восточной Европы, а это были: хлеб, кожа, меха, корабельный лес, соль, поташ, мёд и воск — все те товары, которых не хватало западным приморским странам.

Ивану Грозному, современнику Сигизмунда II Польского, Елизаветы Английской, Филиппа II Испанского и Вильгельма Оранского — основателя автономной Голландии, — пришлось решать военные, административные, международные и церковные вопросы, похожие на те, что стояли перед политиками новой Европы, но в гораздо более трудной обстановке.

Талантами дипломата и военного организатора он, может быть, всех их превосходит. А его сподвижники — Строганов и Ермак, — покорители Сибири, не уступят Вельзерам и Кортесу — колонизаторам Венецуэлы и Мексики. И те и другие принадлежат к породе смелых завоевателей, устремлявшихся на добычу металла, на исследование и покорение неизвестных стран.

Иван Грозный является одним из крупнейших военных вождей в русской истории. Он стоит последним в ряду гениальных полководцев и организаторов русского народа в период освобождения от монгольского ига и создания Московской державы. Великие предшественники его — Александр Невский, Дмитрий Донской и Иван III.

Нужно ли говорить вам о тесном взаимодействии, об органической связи, существующей между вождём и воинством, которое он ведёт? Для всех нас ясно, что вожди стоят своих народов, а народы заслуживают своих вождей. Только военноспособный народ, каким по преимуществу был и есть народ русский, мог выдвинуть из своей среды великих вождей, и только с военноталанливой русской нацией могли и могут гениальные вожди совершать свои подвиги.

В этом взаимодействии и заключается секрет успехов русского оружия, на нём строилась военная дисциплина. Воинство и вождь жили одной патриотической мыслью, их связывало одно, общее понятие воинской чести.

Иван Грозный выполнял завет, данный ему Иваном Пересветовым: «Царь должен больше всего любить своё войско». О том, какие чувства взаимной привязанности соединяли воинство и его вождя, говорит одно замечательное место в завещании Ивана Грозного, написанном в 1572 году. В нём мы находим также опровержение взгляда на Грозного как на безрассудного тирана. Как будто в ожидании того, что после смерти его будут обвинять в свершении несправедливых рас-

нрав, боясь, что будут нападать на его любимое детище — его избранное войнство, Грозный пишет: «А сами живите в любви, а войнство, поелику возможно, навыкните (т. е. привыкните, займитесь им.— *Р. В.*). А как людей держать и от них беречися и во всём уметь их присвоивати, вы б к тому навыкли же; а людей есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и они прямее вам служили, а которые лихи и вы бы на них опалы клали не вскоре — по рассуждению, не яростно».

Если правильно называть Ивана Грозного последним из вождей русского народа, создававших Московскую державу, то в равной степени будет верным обозначить его политику как начало России будущего, а его предприятия — как открытие широких просторов для всемирных сношений. Он первый ставит перед народом цель «прорубить окно в Европу». В этом смысле Ливонская война была делом его жизни, которое он проводит несмотря на все препятствия, чинимые внешними и внутренними противниками. Правда, идея этой войны завещана была ещё предшественником Грозного — Иваном III, но по решимости начать войну за овладение доступом к морю, по систематической её подготовке, по настойчивости её ведения война эта — целиком жизненная задача, беззаветное увлечение Ивана IV.

Потерю Ливонии в 1582 году можно, разумеется, превратить в тяжкое обвинение всей политике Ивана Грозного, можно винить его в том, что он затеял это предприятие преждевременно, что не сумел от него отказаться, увидев несостоятельность своего замысла. Но, имея в виду изменения международной обстановки в 70—80-х годах XVI века, такое обвинение едва ли будет правильным. Но, как бы то ни было, пусть Ливонская война была слишком ранним, слишком смелым проявлением военной энергии Москвы, за Иваном Грозным остаётся заслуга постановки великой цели и указания путей к её достижению.

В тесной связи с военным дарованием Ивана Грозного находится его дипломатический талант. Да позволено мне будет назвать его одним из величайших дипломатов всех времён.

Грозный сам сознавал своё мастерство в этой области. Он любил лично вести переговоры, произносить целые монологи с историческими и юридическими ссылками. Помимо того что он в совершенстве владел словесной техникой дипломатического дела, он был бесконечно изобретателен в своих комбинациях, искусно выходил из самых запутанных и тяжёлых положений. Под конец несчастливой для Московского государства Ливонской войны он сумел привлечь на свою сторону папу обещанием церковной унии. На этом он поймал его. Папа прислал в качестве своего делегата иезуита Антонио Поссе-

вино, который увлёкся идеей объединения церквей и спас положение, очень тяжёлое для Ивана, хотя, конечно, уния осуществлена не была.

Главное достоинство Ивана Грозного не в том, что он был хитроумным виртуозом в дипломатии, нет, его дипломатия была творческой, поскольку основывалась она на глубокой идеологии, и именно в этом-то и сказалось величие его замысла.

Объединение всея Руси, всех русских земель — державно-патриотическая мысль — вот в чём была заключена сущность внешней политики Ивана Грозного. Наглядно она выражается в титуле, который он старательно выписывает во время переговоров о выборе его на польский престол. Вот как этот титул звучит: «Божьей милостью государь царь и Великий князь Иван Васильевич **всея Руси, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь Казанский, царь Астраханский**».

Покорение Ливонии в глазах Грозного не есть захватническая война, так же как и мы об этом думаем, а лишь возвращение русскому народу его старинной «отчины» и «дедины».

В 1554 году окольныйчик Адашев и дьяк Михайлов, воспитанные в московской дипломатической традиции, говорили Ливонскому посольству: «Удивительно, как вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, **вторгнулись в вотчину великих русских князей**, за что много крови проливалось; не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой вами земле, но с тем условием, чтобы они платили дань великим князьям. Они обещание своё нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки».

Видите, как неумолима была московская дипломатия!

Начатая через четыре года война с Ливонией рассматривалась как восстановление старинного права, **исконной зависимости Ливонии от Руси**.

Дипломаты московской школы, во главе которых стоял сам царь Иван IV, были превосходно осведомлены в архивной науке, в летописях и народных преданиях. Они применяли свою собственную историческую терминологию, восстановили местные названия ливонских городов: старорусские, ливские, эстонские, латышские. Называли Дерпт—Юрьевом, Нарву—Ругодивом, Ревель—Колыванью, Веден—Кесью, Мариенбург—Алыстом; иные названия переводились на русский язык: Вейсенштейн превратился в Белый Кмень, Нейгауз — в Новогородок, Зесвеген произносили Чиствин, Розиттен — Режица, Лудзен — Лужи.

Когда в середине 70-х годов происходили переговоры об

избрании царя Ивана или его сына Фёдора на польский престол и когда в связи с этим зашла речь о разделе западных областей между Литвой и Москвой, Иван Грозный заявил:

«Что прежде наша отчина была по реку Березыню, того мы для покоя христианского отступаемся; но Полоцк со всеми пригородами и **вся земля Ливонская в нашу сторону**, к государству Московскому».

Политика и жизнь Ивана Грозного исполнены величайшего драматизма, самых резких колебаний судьбы. За бурным подъёмом следует тяжёлый кризис.

В 1564 году в походе под личным предводительством царя был взят Полоцк — крупнейший город Белоруссии. Это был чрезвычайно важный шаг к отвоеванию у Польши Ливонии. У врага отнимался путь по Западной Двине, открывавший выход к морю. Но в руках Польши оставалась Рига — последняя застава на этой дороге. Устрашённый успехами русских, Сигизмунд II готов был уступить Нарву и Полоцк; он предлагал раздел Ливонии при условии сохранения своей власти над Ригой. Царь Иван хотел по этому поводу знать мнение различных классов московского общества и особенно настроения своего войска. С этой целью он созвал в 1566 году собрание, на которое, кроме высших чинов церковного собора и боярской думы, впервые были приглашены представители служилого дворянства и крупного купечества. Собрание высказалось за энергичное продолжение войны, за обладание всей Ливонией.

Собрание 1566 года считается первым земским собором в русской истории: оно представляет чрезвычайно искусный ход в политике Ивана Грозного. Удовлетворив самолюбие воинства, закрепив за собой поддержку рядового, среднего и мелкого дворянства против аристократического боярства, Иван Грозный выиграл вместе с тем блестящее положение в международной политике. Он направляет в Литву посла Кольчева, уполномочив его дать решительный отказ на мир без всей Ливонии, выступая окружённый в то же время славой популярного государя, который только что удостоверился в единодушии своей армии и всех классов своей державы. Мог ли его противник Сигизмунд II развернуть что-нибудь, даже отдалённо похожее, с тяжёлым на подъём, многоречивым сеймом, собиравшим шляхство, которое в отличие от московского дворянства перестало быть воинством?!

Это был момент величайшего подъёма и успеха в политической жизни Грозного.

Несчастье Грозного состояло в том, что ему суждено было в течение последующих 18 лет пройти через все ужасы борьбы с изменой, допустить утрату областей, которые он считал достоянием своих предков — русских великих князей, — обла-

стей, в возвращении которых он видел залог нового расцвета своей державы. Ему пришлось быть бессильным свидетелем возрастающего истощения сил своей страны, гибели, исчезновения своего когда-то многочисленного и любимого войска. И самому среди этого процесса государственного и национального кризиса испытать на себе падение жизненной энергии, медленное угасание организма.

Посмертный суд над Грозным обычно творили под впечатлением последних 18 лет его жизни, на которые пришлось тяжёлые удары судьбы — неудачи и упадок Московского государства, — и решения судей заранее определялись не в его пользу; забывались счастливые годы молодости, «знаменитые» (по выражению де Ту) дела первой половины его царствования.

У меня нет времени опровергать все обвинения в бессмысленных и преступных жестокостях Грозного, постоянно поднимавшиеся против него во враждебной его памяти истории. Сколько было написано и наговорено риторики и ложного пафоса по поводу учреждённой им опричнины как орудия казни и пыток, по поводу погрома Новгорода в 1570 году как проявления дикого произвола! А между тем, как мало было известно тем же историкам подлинных фактов, которые бы могли дать объяснение этой отчаянной борьбе Ивана Грозного на все стороны.

Как изощрялись обвинители в изображении массовых казней и убийств, погромов и карательных экспедиций, погубивших множество невинных людей, которые приходится на четырёхлетие, 1567—1570 годы.

Особенно любили обвинители настаивать на умерщвлении митрополита Филиппа, пострадавшего якобы только за то, что он ходатайствовал за опальных бояр.

Действительно, в эти годы истребительная внутренняя борьба была страшной. Опала настигала очень многие жертвы. Но ставился ли обвинителями по-настоящему вопрос: на кого эта опала падала, откуда и почему могла возникнуть такая невероятная ярость правителя Московской державы? На этот вопрос дают впервые ответ два документа, опубликованные в самое последнее время: первый — в 1924 году, второй — в 1934 году. Это «Записки о Московии» немца-опричника Генриха Штадена и «Сказания» Альберта Шлихтинга — немца, служившего переводчиком у придворного врача, бельгийца Альберта.

Опять показания иностранцев, но какие же на этот раз **фактически ценные!** Однако не будем спешить: историческая правда нескоро и нелегко раскрывается. На первый взгляд, вновь открытые источники только прибавляют новые подробности к свирепствованию «московского тирана», и осудители памяти Грозного могли бы торжествовать победу своей оцен-

ки московского царя как «политического чудовища». Но следует внимательно вчитаться в рассказы двух немцев, несколько лет служивших у Ивана Грозного и потом ему изменивших, чтобы выяснить из случайно брошенных замечаний и недомолвок следующую жуткую, исполненную тяжёлого драматизма картину.

В 1567 году готовился крупнейший заговор на жизнь царя Ивана IV. Соединилась в нём значительная часть богатейших и знатнейших бояр вместе с представителями высшего духовенства в Москве и в Новгороде. Заговорщики собирались убить Ивана IV, возвести на престол его слабоумного двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, который готов был удовлетворить все классовые притязания русской аристократии—закоснелой и враждебной энергическому росту народа. Самое худшее заключалось в том, что с **реакционно-политическим замыслом** соединялись **измена своей родине, своему народу**. Заговорщики вели переговоры с польским королём Сигизмундом II об уступке ему территории Московской державы, об открытии ему границы для нападения на Москву, причём это нападение должно было сочетаться с одновременным нашествием с юга крымского хана.

«Добродетельный» митрополит Филипп из рода бояр Колычевых не мог не знать о заговоре, а Новгород как пограничный центр был, конечно, важной опорой и гнездом заговорщиков.

Раскрылся заговор случайно—от предательства Владимира Андреевича, который, однако, не спас этим своей жизни. В своё время сыскное дело о заговоре пропало,—вероятно, не без участия боярства, сочувствовавшего казнённым заговорщикам. Не сохранилось никаких сведений о нём и в летописях, усердно скрывавших этот невыгодный для оппозиции факт. Для нас же достаточно и тех прозрачных намёков, которые делают сами враги Ивана Грозного. Из них следует, что опасности, окружавшие личность и дела царя, были гораздо страшнее, а политическая атмосфера ещё более насыщенной изменой, чем это могло казаться по данным ранее известных, враждебных московскому царю источников.

Таким образом, большое количество погромов, казней и убийств, приходящихся на 1567—1571 годы, **не были политическим террором** и проявлением личного тиранства. **Это была борьба с изменой**, в которой у Ивана Грозного защита собственной жизни неразрывно сплеталась с обороной своей державы, своей страны, своего народа. Ивана Грозного не приходится обвинять в чрезмерной подозрительности. Напротив, ошибкой его были, быть может, излишняя доверчивость к созданной им гвардии и администрации и недостаточное внимание к опасности, грозившей ему со стороны реакционной

оппозиции, которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал. Едва ли нужно говорить о том, что борьба с изменой представляла тяжёлое препятствие, нарушавшее успешное ведение Ливонской войны, губившее вконец исполнение жизненного дела Грозного.

Сейчас я хочу указать лишь на те последствия, которые вызвала мучительная борьба с внешними и внутренними врагами в нервном состоянии личности Ивана Грозного.

В 1572 году, после того как были, казалось, истреблены угрожавшие державе силы, казни и пытки прекратились. Непопулярное имя опричнины исчезло, заменилось «государевым двором». Правитель как будто бы мог успокоиться. Но что стоило Ивану Грозному это кажущееся успокоение? Мы читаем об этом в завещании детям, написанном в 1572 году. «Ум обструпился, тело изнемогло, болезнует дух, струны телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня. Я ждал того, кто со мной разделит скорбь, и не было никого, не нашёл я утешителей. Воздали мне злом за добро и ненавистью за возлюбление моё» — эти слова глубокого отчаяния, сознания своего одиночества написаны Грозным в возрасте 42 лет, — в сущности, уже старика и инвалида, может быть, жаждавшего смерти как избавления. Но он живёт после этого признания ещё 12 лет, испытывает новые политические и военные триумфы.

В середине 70-х годов перед ним открывается перспектива избрания его самого или его сына на польско-литовский престол. В конце 70-х годов ещё раз блеснуло военное счастье Ивана: происходит эфемерное второе завоевание Ливонии. Но далее, от 1579 до 1581 года, следует катастрофа — сокрушительные кампании Стефана Батория, потеря Ливонии в результате унижительного Ям-Запольского мира. Все эти удары судьбы привелось ему ещё пережить.

Кризис Московской державы был обусловлен изменением международной обстановки, истощением сил Москвы, закрытием путей к Западу и вызванной этим затруднением — отсталостью в военной технике. Это время совпадает с личной трагедией Ивана Грозного. Его организм, когда-то могучий, богато одарённый, под давлением житейских бурь всё больше приходит в упадок, разрушается. После убийства любимого сына Ивана, свершённого им в истерическом припадке минутного гнева, Грозный приблизился к тому состоянию, которое можно назвать «живым трупом».

На этом моменте я не могу закончить свою беседу с вами. Это было бы несогласно с главной целью моего доклада. Я хотел дать вам новый материал для оценки Ивана Грозного, восстанавливающий его заслуги перед русским народом, его роль в создании могущественной Московской державы, пробо-

паза великого многонационального государства,— СССР. Я думаю, что вы согласитесь считать тему, которую я разбирал, темой актуальной для нашего времени, когда в Отечественной войне героические бойцы Красной Армии защищают свою родину, свою землю, защищают державу, над созданием которой трудились их предки.

Позвольте вам под конец привести только одну иллюстрацию из документов XVI века, которая показывает нам, что затронутая мною тема занимает наше общественное сознание гораздо более, чем это может казаться на первый взгляд. Наш народ отражает сейчас немецкое нашествие, проходящее под знаком неистового фашизма. Приводимая мною иллюстрация принадлежит перу одного из предшественников немецкого фашизма в XVI веке. Прочтите внимательно и ещё раз перечтите записки немца-опричника Генриха Штадена, доступные нам в превосходном переводе и с комментариями проф. Полозина. Это — наиболее интересное и наиболее талантливое из всех сказаний иностранцев о Московии. Но следует заранее предупредить вас: высокая интеллигентность автора, его тонкая наблюдательность в качестве географа, этнографа, финансиста и т. д., его способности к языкам, светское образование соединяются с исключительной подлостью натуры. Он сам причисляет себя к тем бродячим искателям приключений, которые готовы служить любой стране, любому правителю, причём способны «ничего не оставлять в христианском мире — ни кола, ни двора». Он откровенно усматривает в себе одного из «побирох, которые шатаются по христианскому миру, причём некоторые из них поворачивают, за что кой-кого вешают». Последней участи Штаден счастливо избежал. Он служил 5—6 лет в опричнине в Москве, затем перебрался на Север, в Поморье, где занимался торговым делом, то есть, в сущности, бессовестными спекуляциями. Его служба составляет непрерывную цепь интриг, насилий и прожигания жизни, грубой, грабительской наживы.

В 1576 году он незаметно бежал через Колу из пределов Московского государства, а через два года представил императору Рудольфу II проект завоевания Москвы с Севера. Этот проект важен историку для оценки положения в котором находилась Московская держава после 20 лет неотступной, изнурительной, поглощавшей все её силы войны за Ливонию. Штаден почуял возможность катастрофы крайне ослабленного государства. Он набрасывает широкий план высадки немецких войск на Мурманском берегу и наступления их со стороны, наименее защищённой,— от Поморья. Он старается увлечь императора и немецких князей идеей похода, обещая лёгкую победу, неслыханно обильную наживу. Он неистощим в описании богатств Московии. Он убеждён в бессилии восточного

царя, который, по его словам, «не может теперь устоять в открытом поле ни перед кем из государей».

В диком упоении он восклицает: «Отправляйся и грабь Александрову слободу, заняв её с отрядом в 2000 человек. За ней грабь Троицкий монастырь! Его занять надо отрядом в 1000 человек, наполовину пеших, наполовину конных!» Штаден воображает, что простых воинов можно через какого-нибудь пленника убедить в великой тирании Ивана IV, а более видных служилых людей привлечь на немецкую службу, предложив им принести свои грамоты на поместья:

«Я твёрдо убеждён, что кровопролитие будет излишне: войско великого князя не в состоянии более выдержать битву в открытом поле».

В фашистской Германии наших дней «Записки» Штадена имели необычайный успех. Фашистская наука пыталась истолковать проект немецкого опричника XVI века как обвинительный акт против русского народа, как предисловие к замышляемому походу на Советский Союз, построенное на историческом основании. С каким увлечением читала фашистская публика заголовок штаденского проекта «План обращения Московин в имперскую провинцию»! С каким восторгом воспринимала она проект разорения русской земли! А там так сказано: «Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей!» С какой жадностью воспринимались насмешки немца-опричника над невежеством, необразованностью русского народа, над его неспособностью защищать свою родину! «Записки» Штадена стали в фашистской Германии пророчеством и программой будущего.

Возобновлённый при их помощи злостный миф о неспособности русского народа защищать свою родину опровергнут Отечественной войной, развеян по ветру героическими боями Красной Армии.

ПОПРАВКА

На странице 14 в четвертой строке снизу допущена ошибка. Следует читать: «Вейсенштейн превратился в Белый Камень, Нейгауз — в Новгородок» и т. д.

